

Д. О`Хара

Свидание в Самарре

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д11

Д11 **Д. О'Хара**
Свидание в Самарре / Д. О'Хара – М.: Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-4241-1628-5

Джон О'Хара. Писатель, который никогда не стремился к громкой славе, однако занял достойное место в ряду лучших американских романистов, таких как Хемингуэй и Фицджеральд. Почему? Уж не потому ли, что подлинный талант проверяется только временем?

Центральное произведение в творческом наследии Джона О'Хары. Роман, смело и изящно совмещающий реалистические и сюрреалистические мотивы, причем грань, отделяющая сюрреализм от реализма, настолько тонка, что заметить ее порой невозможно...

ISBN 978-5-4241-1628-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д. О'Хара, 2021

Джон О`Хара
СВИДАНИЕ В САМАРРЕ

Смерть рассказывает:

«Жил в Багдаде купец. Послал он слугу на базар за товаром, но тот прибежал назад, бледный и дрожащий, и сказал: „Господин, на базаре в толпе меня толкнула какая-то старуха; я оглянулся и увидел, что меня толкнула сама смерть. Она посмотрела на меня и погрозила мне. Господин, дай мне коня, уеду я из этого города, скроюсь от своей судьбы. Поеду я в Самарру, где смерть не найдет меня“. Дал купец слуге коня, сел слуга на коня, вонзил шпоры ему в бока, и помчался конь со всех ног. А купец пошел на базар, увидел меня в толпе, подошел и спросил: „Почему ты погрозила моему слуге, когда увидала его нынче утром?“ — „Я не грозила ему, — ответила я. — У меня лишь вырвался жест удивления. Я не ожидала увидеть его в Багдаде, потому что сегодня вечером у нас с ним свидание в Самарре“.

У. Сомерсет Моэм

История наша начинается с Лютера Лероя Флиглера, который лежит в постели ни о чем не думая и лишь улавливая отдельные звуки, внимая собственному дыханию и различая собственное сердцебиение. Рядом с ним лежит его жена, она лежит на правом боку и крепко спит. Она заслужила этот сон, ибо, строго говоря, уже почти рождество и накануне весь день она трудилась как проклятая, возилась с индейкой, пекла пироги и лишь несколько часов назад кончила украшать елку. Пугающая неровность пульса вызывает у Лютера Флиглера легкое желание близости с женой, но Ирма, когда устает, способна сказать «нет». Не хочется потом вставать, твердит она, когда устает, а рисковать нельзя. Трое детей вполне достаточно, трое за десять лет. Поэтому Лютер Флиглер не прикасается к жене. Пусть уж она как следует выспится в ночь под рождество, великодушно решает он, вот только о его великодушии она никогда не узнает. Все-таки это великодушие, хотя Ирма тоже любит рождество и именно в эту ночь, может, и не прочь бы рискнуть. Лютер Флиглер велит себе забыть про желание и мысленно посылает его к черту, но тут же поворачивается к жене, обнимает ее за талию и гладит тугую выпуклость между грудью и животом. Ирма шевелится и открывает глаза.

— Господи, Лют, ты что?

— С рождеством тебя, — говорит он.

— Перестань, слышишь? — шепчет она, но радостно улыбается, и ее руки смыкаются на его широкой спине. — Ты сошел с ума, но я тебя люблю, — говорит она в заключение.

И некоторое время в Гиббсвилле нет людей более счастливых, чем Лютер Флиглер и его жена Ирма. Затем Лютер засыпает, а Ирма встает и выходит, а когда возвращается, то не сразу залезает в постель, а стоит возле окна.

Лантененго-стрит, словно ватой, окутана безмолвием. Снег намел высокие сугробы по обеим сторонам дороги, и на улице с трудом могут разехаться две машины. Однако было слишком темно, чтобы улица выглядела белой, да и тишина ее тоже была обманчивой. Казалось, можно закричать изо всех сил, и никто тебя не услышит — таким пушисто-ватным представлялся мир, но Ирма знала, что захоти она поговорить с живущей напротив миссис Бромберг (а ей вовсе этого не хотелось), им обоим не пришлось бы и голоса повышать. Ирма упрекнула себя за нехорошие мысли о миссис Бромберг в ночь под рождество, по тут же нашла оправдание: евреи рождества не справляют и только еще больше зарабатывают в этот день на христианах, поэтому нечего думать о них на рождество иначе, чем в течение всего года. Кроме того, после водворения Бромбергов на Лантененго-стрит цены на недвижимость возросли. Все так говорят. Бромберги, как Люту стало известно из авторитетного источника, заплатили за дом Прайсов тридцать тысяч, то есть на двенадцать с половиною тысяч, больше, чем рассчитывал получить Уил Прайс; но коли Бромберги пожелали жить на Лантененго-стрит, пусть платят. Интересно, подумала Ирма, правда ли, что сестра Сильвии Бромберг с мужем торгуют соседний дом Мак-Адамсов. Ничего удивительного. Очень скоро рядом с ними будет жить целая колония евреев, и дети Флиглеров, как и дети из других порядочных семей, заговорят с еврейским акцентом.

Ирма Флиглер возненавидела Сильвию Бромберг еще прошлым летом, когда Сильвия во время родов целый вечер кричала. Могла бы лечь в больницу, знала ведь, что будет рожать. Противно было слышать эти вопли и придумывать для детей объяснения, почему миссис Бромберг кричит. Мерзость какая!

Ирма отошла от окна и залезла в постель, моля бога, чтобы не забеременеть, и ненависть Бромбергов за то, что они переехали на их улицу. Лют мирно спал, и Ирма была рада теплу и запаху его большого тела. Она повернулась и провела рукой по его плечу, где у него были четыре похожих на пупки шрама от ранения шрапнелью. Вот Лют по закону занимал место на Лантененго-стрит, и она как его жена тоже. И не только как его жена. Ее семья появилась в Гиббсвилле гораздо раньше большинства других обитателей Лантененго-стрит. Ирма была из Доанов. Дед Доан еще во времена мексиканской войны служил в армии барабанщиком, а в Гражданскую войну получил почетную медаль Конгресса. Дед Доан оставался членом школьного совета до самой смерти, почти тридцать лет, и был единственным в их краях с такой медалью. У Люта был французский военный крест с пальмовой ветвью за что-то, совершенное, по его словам, в пьяном виде, да еще двое-трое удостоились в войну крестов и медалей за особые заслуги, но только у деда Доана была почетная медаль Конгресса. Ирма и по сей день считала, что медаль должна находиться у нее в доме, поскольку, как все знали, она была дедовой любимицей. Однако медаль очутилась в руках брата Уилларда и его жены, потому что Уиллард — продолжатель рода. Пусть будет у них. Наступает рождество, завидовать грех, лишь бы они берегли и ценили эту медаль.

Ирма лежала без сна, как вдруг до нее донесся звук: цок-цок, цок-цок. По Лантененго-стрит медленно ехал автомобиль, с колеса которого соскочила и билась о крыло цепь. Ирма только не могла разобрать, в какую сторону он ехал. Потом он двинулся чуть быстрее — звук изменился: цок-цок-цок-цок — миновал ее дом, и она по хлопанью брезента догадалась, что это машина с откидным верхом. Наверное, «додж» железоугольной компании. Опять чего-нибудь случилось на шахте, вот одного из начальников и подняли среди ночи, ночи под рождество, разобраться, что там произошло. Ужас! Как хорошо, что Лют не работает в железоугольной компании. Чтобы получить там приличное место, надо окончить колледж, Пенн или Лихай, где Лют и не учился, а если и получишь, то только после чьей-нибудь смерти можно дожидаться приличного повышения. И, как доктора, вызывают в любой час дня или ночи: то насосы отказали, то еще что-нибудь случилось. Хоть ты и инженер, а все равно домой приходишь грязным и внешне ничем не отличаешься от простых шахтеров в коротких резиновых сапогах, каске и с жестяной коробкой для завтраков. Кончил колледж, а дома и раздеваться-то нужно в подвале. Лют прав: продай в месяц два «кадиллака» и не только сведешь концы с концами, но и еще кое-что останется, а между тем прилично одет и не рискуешь быть раздавленным куском породы либо разнесенным в клочья взрывом рудничного газа. Семейному человеку, всегда говорит Лют, не место в шахте, при условии, конечно, что ему не безразлична судьба его жены и детей.

Вот Лют — настоящий семьянин. Ирма чуть подвинулась и прижалась спиной к спине мужа. Протянув руку назад, она взяла Люта за руку. На будущий год, если верить Гуверу, жизнь будет куда лучше, и тогда они сумеют осуществить многое из того, о чем мечтали, но что пришлось отложить с наступлением

трудных времен. До Ирмы снова донесся звук еще одной оборвавшейся цепи. Сначала машина ехала быстро, потом медленно и наконец совсем остановилась. Затем мотор снова заработал на первой скорости. Ирма узнала «бьюик» доктора Ньютона, зубного врача, и его жены Лилиан, дом которых был через два дома от Флиглеров. Возвращаются домой с танцев в загородном клубе. Тед Ньютон, наверное, наклюкался и доставил Лилиан немало хлопот, — ведь ей следовало вернуться домой пораньше. Она беременна, на четвертом месяце, наверное. Интересно, который сейчас час, подумала Ирма. Она приподнялась и нащупала часы Люта. Двадцать минут четвертого. Господи боже, а она-то думала, что гораздо больше.

Двадцать минут четвертого. В загородном клубе танцы, наверное, в самом разгаре. Там и молодежь, приехавшая на каникулы из пансионатов и колледжей, и молодые супружеские пары, с большинством из которых она была на «ты», и люди постарше. На будущий год они с Лютом тоже будут танцевать там и веселиться. Она могла бы поехать на танцы и сегодня, да только они с Лютом решили, что, хотя они там со многими на «ты», все равно незачем соваться в клуб, раз не состоишь в нем. Каждый раз, когда туда являешься, тот, кто тебя пригласил, должен заплатить доллар, но даже при этом условии предполагается, что ты не показываешься там больше двух раз в квартал. Таковы правила. На будущий год их с Лютом примут в члены клуба, что поможет Люту завести новые знакомства и продавать больше «кадиллаков». Лют сказал: «Мы вступим в клуб тогда, когда сумеем себе это позволить. Я считаю, что светская жизнь — это одно, а дело — другое. А то станешь убажывать будущих клиентов из загородного клуба и угодишь за решетку. Вступим, когда нам это будет по карману». Лют — человек что надо. Надежный и кристально честный и ни разу, даже в шутку, не взглянул ни на одну женщину. Именно по этой причине она терпеливо ждала, когда они смогут позволить себе вступить в клуб. Выйди она замуж за Джулиана Инглиша, например, она давно была бы членом клуба, но нет, спасибо, она ни за что не поменялась бы местами с Кэролайн Инглиш. Интересно, подумала она, а не идет ли и сейчас очередное сражение между Джулианом и Кэролайн.

II

Курительная загородного клуба была набита, казалось, до отказа. Тем не менее люди каким-то образом ухитрялись входить и выходить. Курительной пользовались оба пола; а первоначально, в 1920 году, когда клуб только построили, в курительную допускались лишь мужчины. Однако во время многочисленных свадебных приемов, которые устраивались частными лицами с арендой всего помещения, с клубными правилами разрешалось не считаться, и женщины этим воспользовались. Таким образом, слабый пол проложил себе дорогу в курительную, и нынче женщин там толклось не меньше, чем мужчин. Шел уже четвертый час ночи, вечер все продолжался, и вряд ли кто-нибудь знал, когда он кончится. А тот, кто ждал конца, мог свободно идти домой. Его уход остался бы незамеченным. В курительной собрались самые сливки общества. На танцы мог явиться любой член клуба, но далеко не всех радушно встречали в курительной. Сначала там собиралась небольшая компания, причем всегда одни и те же люди: Уит Хофман с женой, Джулиан Инглиш с женой, Фрогги Огден с женой и так далее. Они не стеснялись в тратах, любили выпить, занимали прочное положение в обществе, а поэтому могли задирать нос и держать ответ лишь перед своей семьей. Компания эта насчитывала человек двадцать, и общественное лицо молодого человека в Гиббсвилле определялось тем, насколько непринужденно он пристраивался в курительной к этой группе. К трем часам в курительной собрались все, у кого было желание там присутствовать, ибо невидимые заслоны рухнули примерно в половине второго, то есть тогда, когда Хофманы, Инглиши и прочие упились достаточно, чтобы с радостью встречать любого, и чем менее достойного, тем лучше.

Пока ничего страшного не произошло. Молодой Джонни Дибл получил под зад, когда его застали за кражей спиртного из чужого шкафчика. У Элинор Холлоуэй сползла — а может, была сдернута — с плеча бретелька, обнажив на мгновение левую грудь, которую большинство из присутствующих молодых людей в свое время уже видели и трогали. Фрэнк Горман из Джорджтаунского университета и Дуайт Росс из Йеля подрались, поплакали и поцеловались после спора о том, что сделала бы команда, куда Гормана когда-то не приняли, команде, в которой Росс был запасным полузащитником. Во время одного из ничем не объяснимых затиший присутствующие услышали, как Тед Ньютон сказал жене: «Буду пить столько, сколько захочу, черт побери». Толстуха Элизабет Горман, племянница Гарри Райли, — его старания подняться по общественной лестнице были достойны всяческого внимания, — оконфузила своего дядю, начав вдруг громко и бесстыдно рыгать. Лоримеру Гулду-третьему из Нью-Йорка, который у кого-то гостил, уже девятый раз сказали, что Гиббсвилл в течение всего года — настоящее болото, но на рождество, как считают все приезжие, становится самым веселым городом в стране. Бобби Херман, который попал в черный список за то, что не платил членские взносы и по ресторанным счетам, но оставался при этом персоной грата в клубном святилище (он славился тем, что, увидев поле для игры в гольф пустым, сказал: «Поле-то сегодня бьет баклуши»), красовался почему-то не во фраке, а в обычном костюме и в порядочном подпитии объяснял женам и невестам своих друзей, что желал бы потанцевать с

ними, но не может, поскольку числится в черном списке. Все пили, либо только что прикончили очередной стакан, либо же намеревались налить новый. Абсолютное большинство пило хлебную водку, разбавленную лимонадом, кое-кто — либо яблочную водку с сельтерской или с лимонадом, либо джин с лимонадом, и всего лишь несколько человек из ядра клуба — виски. Хлебная водка почти у всех была одного производства: в аптеках по рецепту (врачи — члены клуба выписывали рецепты своим пациентам) покупался ржаной настой, который потом разводили спиртом и подкрашенной водой. Ядовитым этот напиток не был, зато дурманил порядочно, что от него и требовалось и в чем заключалась его сила.

Звуки оркестра (играл местный джаз под управлением Томми Лейка) проникли в курительную, и зеленая молодежь начала напевать «Чем ты мне помнишься». Молодые люди обращались к девушкам: «Потанцуем?», а те отвечали либо: «С удовольствием», либо: «Давай», либо: «Ага». Мало-помалу народу в курительной побавилось. Оставшиеся же столпились вокруг довольно большого стола в углу, который то ли по общему согласию, то ли по праву собственности, то ли по какой-то иной причине считался за компанией Уита Хофмана. Гарри Райли рассказывал похабные анекдоты, произнося слова на ирландском диалекте — это выходило у него еще смешнее и убедительнее благодаря тому, что протез во рту у Райли, вставленный еще до того, как семья разбогатела, сидел неплотно, и Гарри в разговоре явно привистывал. У Райли была широкая, благодушная, белокожая физиономия, седеющие волосы и большой тонкогубый рот. В маленьки глазах сквозила хитрость. Он явно уже начал полнеть. Он был во фраке со слегка засаленным, из за манеры то и дело поправлять его, белым галстуком. На нем были дорогие вещи, но родился он в крохотном поселке при шахте — такие поселки назывались «заплатами», и Райли сам же утверждал: «Из заплаты парня вытащить можно, но заплату с него не стащишь».

Рассказывая, Райли наклонялся вперед и опирался локтем о колено, как ковбой на картинках, а анекдоты свои делил на абзацы. Дойдя до конца абзаца, он быстро оглядывался, будто ждал, что его арестуют, не дав завершить повествования, поправлял галстук, плотно сжимая губы, а затем вновь поворачивался к своей аудитории и приступал к очередному абзацу: «Так вот, Пэт сказал...» Забавно было наблюдать за его слушателями. Отпивая глоток в середине абзаца, они старались сделать это неприметно, словно таясь от него. И всегда знали, в каком месте следует смеяться, даже если шутка была понятна только колотикам, ибо Райли перед тем, как произнести фразу, в которой заключалась вся соль, шлепал себя по ноге. Когда смех стихал (Райли зорко следил, до всех ли дошел смысл), он давал краткую справку к рассказанному, объясняя, где и при каких обстоятельствах услышал этот анекдот. А исторический экскурс в свою очередь вел к новому повествованию. Обычно кто-нибудь восхищался: «Как ты все это держишь в голове, Гарри, просто не представляю. Я слышал кучу анекдотов, но не запомнил ни одного». Гарри имел репутацию остроумного ирландца.

Джулиан Инглиш не сводил с него взгляда, притворяясь более сонным, чем был на самом деле. Из-за чего, думал он, у него такая ненависть к Гарри Райли? Почему он его терпеть не может? Что в Райли такого, от чего Джулиан говорит себе: «Еще один анекдот с бородой, и я плесну ему в морду из этого стакана». Ничего он в физиономию Гарри Райли не плеснет, он знал, но думать об этом

было приятно. (Как в анекдоте: старая дева на исповеди говорит священнику, что согрешила. Сколько раз, спрашивает священник. Один раз, отвечает старая дева, тридцать лет назад. Но, отец мой, так приятно думать об этом.) Да, забавное это было бы зрелище. Полный стакан виски с тремя кусочками льда. Один кусок уж точно угодит Райли прямо в глаз, а виски с содовой попадет на рубашку, промочит ее насквозь и потечет по груди прямо в вырез жилета. А все будут стоять в полной растерянности. «Ты что, Джу? — заорут они. А Кэралайн скажет: „Джулиан!“ Фрогги Огден сначала ахнет, а потом примется хохотать. Захочет и Элизабет Горман „хо-хо-хо“, но, конечно, вовсе не из удовольствия, что оскорбили ее дядю, и не затем, чтобы встать на сторону Джулиана, но потому что разразился скандал, участницей которого она может стать.

— А вот этот вы слышали? — спросил Райли. — Один из стариннейших ирландских анекдотов, клянусь матерью божьей. Мне его рассказал лет пятнадцать — двадцать назад отец Берке, который был священником в приходе святой Марии в Кольервилле. Да-с, давненько я слышал этот анекдот. Отец Берке был чудным старикашкой. Вот помню...

Виски, размышлял далее Джулиан, потечет за жилет Райли, а оттуда прямо за пояс, так что, если лед и не угодит ему в глаз, ему придется уйти из-за мокрых брюк. Вот смех-то! А уж чего-чего Райли не терпит, так это чтобы над ним смеялись. Поэтому-то и будет здорово. Джулиан прямо видел, как через секунду после того, как виски плюхнется ему в лицо, Райли будет стоять, не зная, как поступить. Райли уже довольно высоко поднялся по общественной лестнице благодаря тому, что считался «славным малым» и «человеком простым», а главное, благодаря деньгам, ибо всем было известно, что в семье Райли они водятся. Райли был членом газонной комиссии и комиссии по устройству развлечений, потому что как игрок в гольф был лично заинтересован в их деятельности. Он из собственного кармана платил за новый дерн на поле, а на танцах его деньги заставляли оркестр играть до шести утра. Но веса в Ассамблее он еще не занимал. Он уже стал членом ее, но еще не вошел в правление и потому не мог занять выборной должности и участвовать в работе ответственных комиссий. Поэтому у него не было полной уверенности в своем общественном положении, и Джулиан чертовски хорошо это понимал. Так вот, когда виски плюхнется ему в морду, он, скорей всего, не потеряет контроля над собой до такой степени, чтобы забыть, кто это сделал, а потому и не выскажет всего того, что ему бы хотелось. Сукин сын, он, наверное, достанет из кармана носовой платок и попробует отшутиться либо, если заметит, что никто ничего смешного в этом не видит, разыграет возмущение и с ледяной вежливостью скажет: «Возмутительный поступок! В чем его смысл?»

«А я бы ответил, — продолжал рассказывать себе Джулиан, — что, по-моему, пришло время помочь ему заткнуться».

Но он знал, что не выплеснет виски — в стакане уже почти ничего не осталось — да и тот, что собирается налить, тоже не выплеснет. Не посмеет выплеснуть на Гарри Райли. И вовсе не из-за его кулаков. Райли было уже за сорок, и, хотя он считался хорошим игроком в гольф, он был толст и страдал одышкой, а значит, ни за что не полез бы в драку. Нет, беда в том, что, во-первых, Гарри Райли фактически является владельцем гиббсвиллского отделения фирмы «кадиллак», которым управлял Джулиан. А потом, если он и выплеснет виски на Гарри

Райли, люди скажут, что он это сделал из ревности, ибо Гарри всегда подчеркивал, что внимателен к Кэролайн и много с ней танцует.

Мысли Джулиана прервало появление Теда Ньютона, зубного врача, который остановился у стола выпить на дорогу. На Тед была енотовая шуба, которую он носил первый сезон, а может, и вообще первый вечер. «Уходишь?» — спросил Джулиан. Разговаривать с Тедом не хотелось. Он и этот-то вопрос задал только потому, что видел в Тед потенциального покупателя. А пока Тед ездил на «бьюике».

— Ага. Лилян устала, да и завтра из Гаррисберга прикатят ее родители. Едут на машине, значит, придут где-то в час, час пятнадцать.

Плевать мне на их расписание, подумал Джулиан. А вслух сказал:

— Вот как? Что, ж, счастливого тебе рождества.

— Спасибо, Джу, — отозвался Ньютон. — И тебе того же. Увидимся у «Холостяков»?

— Непременно, — ответил Джулиан и, пока другие прощались с Ньютоном, тихо добавил: — И не смей называть меня Джу.

Оркестр играл «Весь целиком», особенно громко выводя мелодию рефрена. Музыканты сидели серьезные и насупленные, и только барабанщик улыбался во весь рот и шлепал по проволочным щеткам, прикрепленным поперек барабана. Вильгельмина Холл, шесть лет назад окончившая Уэстовер, по-прежнему считалась лучшей партнершей в клубе и потому была вне конкурса. Не успевала она дважды обойти зал с одним кавалером, как подходил другой. Все старались потанцевать с ней, потому что, во-первых, она хорошо танцевала, а во-вторых, по слухам, ни в кого не была влюблена, кроме, может, Джимми Мэллоя, что, конечно, было совершенно невероятно. Такого, по крайней мере, было общее мнение. С ней жаждали танцевать мужчины всех возрастов, в то время как Кей Вернер, нынче проходившая курс в Уэстовере и куда более хорошенькая, должна была довольствоваться лишь зелеными юнцами. Она была влюблена в Генри Льюиса. Так, по крайней мере, считалось. Глупышка Констанс Уокер опять сняла очки, как будто весь клуб не знал, что без них она на два шага от себя ничего не видит. Среди холостяков она пользовалась репутацией девицы, с которой «стоит потанцевать». Она училась в Смитовском колледже, где числилась хорошей студенткой, являлась обладательницей отличной фигурки, высокой груди и огненного темперамента, но личико имела не то что невзрачное, а простоватое, которое, если бы она только это понимала, смотрелось куда лучше именно в очках. Она так жаждала нравиться, что пригласивший ее кавалер мог получить удовольствие не только от танца, но и от ее груди и всего тела. Перед тем как подойти к Констанс, молодые люди обычно говорили: «Пойду-ка я поупражняюсь». А между прочим, четверо молодых людей «поупражнялись» с ней и за пределами танцевального зала, в результате чего Констанс потеряла невинность. Однако эти молодые люди так стеснялись признаться в том, что не устояли перед чарами столь малопривлекательной, по общему мнению, девицы, что никогда друг с другом похождения Констанс Уокер не обсуждали, и она считалась целомудренной. «Ты, значит, полагаешь, что она некрасивая, и я, пожалуй, с тобой согласен. А пришло ли тебе видеть ее в купальнике? Это да!» — вот самое худшее, что можно было услышать о ней.

Джаз играл «Чем ты мне помнишься».